Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION MECHANISMS IN THE CONTEXT OF DIGITAL PUBLIC ADMINISTRATION

S. T. Alishaev
Acting Associate Professor (PhD) of the Department of Criminal Procedure Law Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan
e-mail: sobiralishaev25@gmail.com

Abstract
The author examines the legal nature and effectiveness of anti-corruption mechanisms in the context of digital transformation of public administration. The difference between the digitalization of the administrative procedure and the elimination of corruption-causing factors is substantiated. Based on the normative analysis of the legislation of Uzbekistan, the comparative legal method and materials of international organizations, discretionary powers, the digital footprint of decisions, public procurement, conflict of interest and the limits of algorithmic control are considered.

Keywords: Digital public administration, corruption, administrative discretion, e-government, public procurement, conflict of interest, digital audit, transparency, algorithmic accountability.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

С. Т. Алишаев
И.О. доцент, (PhD) кафедры уголовного-процессуального права Ташкентского государственного юридического университета, Ташкент, Республика Узбекистан
e-mail:sobiralishaev25@gmail.com

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Аннотация

Исследуются правовая природа и результативность антикоррупционных механизмов в условиях цифровой трансформации государственного управления. Обосновывается различие между цифровизацией административной процедуры и устранением коррупциогенных факторов. На основе нормативного анализа законодательства Узбекистана, сравнительно-правового метода и материалов международных организаций рассматриваются дискреционные полномочия, цифровой след решений, государственные закупки, конфликт интересов и пределы алгоритмического контроля. Предлагается модель оценки эффективности, сочетающая превентивный, контрольный, правозащитный и институциональный критерии. Формулируются предложения о юридической проверяемости электронных решений, независимом аудите информационных систем и процессуальных гарантиях при использовании риск-индикаторов.

Ключевые слова: цифровое государственное управление, коррупция, административное усмотрение, электронное правительство, государственные закупки, конфликт интересов, цифровой аудит, прозрачность, алгоритмическая подотчётность.

Введение

Цифровая трансформация государственного управления меняет не только технический способ оказания услуг, но и распределение властных полномочий, порядок принятия административных решений и возможности общественного контроля. Электронная форма заявления, межведомственный обмен данными и автоматизированная проверка условий способны сократить количество личных контактов между заявителем и должностным лицом. Однако из уменьшения таких контактов ещё не следует устранение коррупции: неправомерное преимущество может быть заложено в критериях отбора, правилах доступа к информационной системе или порядке применения исключений.

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Проблема имеет принципиальное значение для Узбекистана, где развитие электронных государственных услуг происходит одновременно с институциональным укреплением антикоррупционной политики. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» закрепляет общую правовую основу предупреждения и противодействия коррупционным проявлениям. Специальный закон о конфликте интересов развивает превентивную составляющую, включая обязанности по раскрытию информации и её проверке. Таким образом, правовая задача заключается не в механическом увеличении числа электронных сервисов, а в обеспечении того, чтобы цифровая процедура воспроизводила требования законности, равенства, обоснованности и ответственности.[1][2]

Цель статьи — определить условия, при которых цифровые инструменты действительно снижают коррупционные риски, а также предложить юридически значимые критерии оценки их результативности. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, функциональный анализ административных процедур и критическое сопоставление нормативных предписаний с институциональными возможностями их реализации. Исследование носит нормативно-аналитический характер; приведённые международные данные не подменяют собой эмпирическую оценку коррупции в Узбекистане.

1. Цифровизация и изменение структуры коррупционного риска. Традиционное объяснение коррупции через непосредственный контакт гражданина с чиновником отражает лишь один из каналов злоупотребления публичной властью. Коррупциогенность процедуры возникает прежде всего там, где субъект располагает значительным усмотрением, основания принятия решения непрозрачны, а вероятность последующей проверки невелика. Поэтому электронный интерфейс сам по

1Закон Республики Узбекистан от 05.06.2024 № ЗРУ-931 «О конфликте интересов» // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/6952745 (дата обращения: 04.11.2026).
2Закон Республики Узбекистан от 03.01.2017 № ЗРУ-419 «О противодействии коррупции» // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/docs/3088008 (дата обращения: 04.11.2026).

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

себе не устраняет исходную институциональную причину неправомерного решения.

Следует разграничивать оцифровку, автоматизацию и собственно цифровую трансформацию. Оцифровка означает перевод документов и сведений в машиночитаемую форму. Автоматизация предполагает исполнение повторяющихся операций по заранее установленным правилам. Цифровая трансформация затрагивает саму конструкцию управленческого процесса: распределение компетенции, последовательность процедур, режимы доступа к данным, способы контроля и ответственность за результат. Именно третий уровень способен существенно изменить коррупционные стимулы.

Вместе с тем перенос решения в программную среду может сместить объект незаконного воздействия. Вместо воздействия на инспектора заинтересованное лицо стремится изменить исходные данные, техническое задание, параметры алгоритма либо статус исключения в системе. Возникает риск концентрации фактической власти у администратора платформы или разработчика, не всегда совпадающего с органом, формально уполномоченным принимать решение. Правовая квалификация конкретного деяния по-прежнему зависит от состава соответствующего правонарушения; понятие «цифровая коррупция» здесь используется как аналитическое обозначение способа реализации коррупционного риска, а не как самостоятельный состав преступления.

Важнейшее различие заключается между прозрачностью результата и проверяемостью процесса. Публикация итогового решения не позволяет установить, почему один заявитель получил разрешение раньше другого, кем изменены критерии проверки и на каком основании применено исключение. Для полноценного контроля необходима реконструируемая последовательность юридически значимых действий: поступление заявления, источник исходных данных, изменения записей, действия пользователей, версия применённого правила и мотивы окончательного решения.

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

2. Административное усмотрение и правовые пределы автоматизации. Административное усмотрение не является само по себе дефектом управления. Законодатель нередко сознательно предоставляет органу возможность учитывать обстоятельства конкретного дела, выбирать соразмерную меру или оценивать доказательства. Поэтому механическое устранение человеческого участия может снизить гибкость управления и привести к формально единообразным, но материально несправедливым решениям. Антикоррупционный эффект возникает не от полного исключения усмотрения, а от его нормативного ограничения и обязательной мотивировки.

В процедурах, где правовые условия являются исчерпывающими и проверяемыми, автоматизированное принятие решения способно сократить пространство произвольного вмешательства. Там же, где требуется оценка индивидуальных обстоятельств, необходимо сохранять компетентное должностное лицо, обязанное раскрыть мотивы отступления от автоматизированной рекомендации. В обоих случаях решение должно быть оспоримым: заявителю требуется понятное объяснение фактических и правовых оснований, а контролирующему органу — доступ к проверяемому цифровому следу.

Предлагается закреплять для высокорисковых административных процедур минимальный стандарт юридической прослеживаемости электронного решения. Он должен включать идентификацию уполномоченного субъекта, неизменяемую либо защищённую от незаметного изменения историю операций, указание применённой редакции правила, мотивировку исключения и установленный порядок исправления ошибок. При этом режим хранения и доступа должен соответствовать требованиям защиты персональных данных, а не превращаться в бесконтрольное накопление сведений о гражданах.

3. Электронные государственные закупки: от открытости торгов к контролю всего цикла. Государственные закупки демонстрируют пределы формального понимания цифровизации. Электронная публикация извещения и автоматическая регистрация предложений могут повысить

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under **CC BY 4.0** *a Creative Commons Attribution 4.0 International License.*

конкуренцию, однако коррупционное преимущество нередко формируется ещё до объявления процедуры — при обосновании потребности, определении начальной цены и составлении технической спецификации. На стадии исполнения возможны необоснованные изменения объёма, сроков и цены контракта. Поэтому антикоррупционный контроль должен охватывать не только определение победителя, но и весь жизненный цикл закупки.

Практически значимыми индикаторами риска являются устойчиво низкая конкуренция, повторяющиеся победы одного поставщика, необычные ценовые отклонения, дробление однородных закупок, а также частые дополнительные соглашения. Но каждый из таких признаков допускает законное объяснение: например, специализированный рынок может объективно иметь ограниченное число участников. Следовательно, цифровой индикатор является основанием для адресной проверки, а не доказательством коррупции или автоматического признания сделки незаконной.

Согласно опубликованному ОЭСР обзору 2026 года, среди 40 обследованных государств анализ данных применяли для выявления и мониторинга рисков добросовестности в закупках 40 %, инструменты искусственного интеллекта — 8 %, блокчейн — существенно реже. Эти цифры характеризуют распространённость технологий, но не доказывают их результативность в предупреждении коррупции. Отдельно отмечается значение объединения закупочных данных со сведениями о бенефициарных владельцах и декларациями интересов.[34]

Из этого следует необходимость правового соединения трёх контуров контроля: процедурного (соблюдение правил закупки), субъектного (аффилированность, конфликт интересов) и финансового (исполнение обязательств и платежи). Без такой интеграции цифровая платформа фиксирует операции, но не формирует целостного представления о происхождении коррупционного риска.

3OECD. Integrity in Public Procurement // Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026. URL: https://www.oecd.org/en/publications/anti-corruption-and-integrity-outlook-2026_16708b78-en/full-report/component-14.html (дата обращения: 04.11.2026).
4OECD. Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026: Harnessing the Integrity Advantage. Paris: OECD Publishing, 2026. Раздел об управлении рисками в государственных закупках. DOI: 10.1787/16708b78-en.

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under **CC BY 4.0** *a Creative Commons Attribution 4.0 International License.*

4. Конфликт интересов и пределы межведомственного обмена данными. Конфликт интересов следует отличать от уже совершённого коррупционного правонарушения. Он описывает ситуацию, в которой личная заинтересованность способна повлиять на надлежащее осуществление служебных полномочий. Превентивная ценность регулирования состоит именно в возможности вмешательства до принятия неправомерного решения. Закон Республики Узбекистан «О конфликте интересов» предусматривает уведомление о реальном конфликте и декларирование потенциального конфликта, а также определяет источники информации для его выявления.[5]

Статья 20 названного Закона имеет особое значение для цифровой модели контроля: она предусматривает изучение не только деклараций и обращений, но и сведений о закупках, аффилированных лицах, конечных выгодоприобретателях и информации из отдельных государственных систем. Следовательно, законодательная конструкция уже предполагает аналитическую проверку информации из нескольких источников. Однако возможность сопоставления данных не равнозначна праву на их неограниченное использование.[6]

Правомерная цифровая проверка должна опираться на определённую цель, установленную компетенцию, минимизацию обрабатываемых данных, фиксацию доступа и механизм исправления недостоверных сведений. Совпадение фамилий, адресов или иных идентификаторов может оказаться ложноположительным сигналом. Поэтому окончательный вывод о наличии конфликта интересов требует индивидуальной правовой оценки, возможности представить объяснения и мотивированного решения компетентного подразделения.

Особого внимания заслуживает разграничение обязанности раскрыть конфликт интересов и полномочия органа проверять его наличие. Первая возлагается на соответствующего служащего и иных определённых законом лиц; второе реализуется в установленном законом порядке.

5Закон Республики Узбекистан от 05.06.2024 № ЗРУ-931 «О конфликте интересов». Ст. 3, 13–20. URL: https://lex.uz/ru/docs/6952745.
6Там же. Ст. 20 «Выявление конфликта интересов».

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Смешение этих режимов может привести к расширительному сбору персональной информации без достаточного юридического основания.

5. Оценка эффективности: методологические ограничения и система критериев

Число выявленных коррупционных правонарушений нельзя рассматривать как однозначный показатель успеха либо неуспеха цифровизации. Рост выявляемости может свидетельствовать об усилении контроля, тогда как снижение зарегистрированных случаев может быть обусловлено как реальным предупреждением нарушений, так и их большей латентностью. Аналогично количество электронных услуг отражает степень технологического охвата, но не измеряет добросовестность решений.

ОЭСР в обзоре 2026 года подчёркивает необходимость перехода от формального соблюдения антикоррупционных требований к риск-ориентированному и результативному управлению; при этом различия между нормативным закреплением мер и их фактическим исполнением сохраняются. Для национальной оценки целесообразно использовать систему взаимодополняющих критериев, исключающую подмену результата процессуальными показателями.[7]

Первый критерий — превентивный: изменение частоты необоснованных отказов, исключений из общего порядка, неформальных контактов и повторяющихся конфликтов интересов. Второй — выявительный: доля обоснованных сигналов риска среди всех срабатываний, время проверки и способность обнаруживать системные отклонения. Третий — правоприменительный: доля подтверждённых нарушений, по которым приняты предусмотренные законом меры, восстановлены права и устранены причины нарушения. Четвёртый — институциональный: устойчивость системы к смене руководства, независимость аудита и разделение технических полномочий. Пятый — правозащитный: понятность решений, возможность обжалования, число исправленных ошибок и соблюдение режима персональных данных.

7OECD. Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026: Harnessing the Integrity Advantage. Paris: OECD Publishing, 2026. DOI: 10.1787/16708b78-en.

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Для корректной эмпирической проверки необходимо сопоставлять сравнимые процедуры до и после цифровизации, учитывать изменения законодательства, интенсивность контроля, структуру обращений и внешние экономические факторы. Предпочтительны показатели в расчёте на число сопоставимых административных решений, а не абсолютные величины. По возможности следует применять контрольные группы и анализировать не только выявленные нарушения, но и жалобы, отменённые решения, результаты независимых аудитов. Без таких условий причинный вывод «цифровизация снизила коррупцию» методологически преждевременен.

6. Сравнительно-правовые ориентиры и национальные приоритеты.

Зарубежный опыт свидетельствует, что цифровая зрелость государства и зрелость антикоррупционного контроля не совпадают автоматически. В Эстонии развитая инфраструктура доступа к публичной информации сочетается с необходимостью дальнейшего совершенствования показателей оценки результатов политики добросовестности; страновой обзор ОЭСР 2026 года прямо обращает внимание на различие нормативных и практических критериев. Данный пример значим не как универсальная модель для копирования, а как подтверждение того, что открытость данных требует самостоятельной системы оценки последствий.8

Для Узбекистана существенное значение имеет институциональная согласованность реформ. В обзоре государственного управления Узбекистана ОЭСР рассматривает вопросы добросовестности, государственного управления и совершенствования административных механизмов в единой рамке. Это позволяет рассматривать цифровые инструменты не изолированно, а в связи с качеством регулирования,

8OECD. Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026: Estonia. Country Note. 2026. URL: https://www.oecd.org/en/publications/anti-corruption-and-integrity-outlook-2026_0c8910f8-en/estonia_e811553b-en.html.

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

служебной ответственностью, управлением рисками и общественным контролем.9

При переносе зарубежных решений необходимо учитывать различия в структуре государственных реестров, качестве исходных данных, полномочиях надзорных органов и судебной защите. Технология, успешно работающая при надёжной идентификации субъектов и устойчивом межведомственном обмене, может давать систематические ошибки при фрагментированных данных. Следовательно, адаптация должна начинаться с правового и организационного аудита, а не с закупки программного продукта.

7. Предложения по совершенствованию правового механизма.

Представляется обоснованным внедрение риск-ориентированной модели антикоррупционной экспертизы цифровых административных процедур. Ещё до ввода системы в эксплуатацию следует определять коррупциогенные точки: кто устанавливает критерии, кто может изменять данные, кто вправе применять исключения, кто контролирует эти действия и какие средства защиты доступны заинтересованному лицу. Заключение такой экспертизы должно влиять на проектирование системы, а не ограничиваться формальным согласованием.

Второе направление — нормативное закрепление стандарта прослеживаемости юридически значимых электронных операций. Должны быть определены обязательные элементы журнала событий, режим доступа, сроки хранения с учётом категории данных, процедура независимого аудита и последствия выявления несанкционированного изменения. При этом требования к журналированию следует дифференцировать по уровню риска: одинаково строгие процедуры для малозначительных и высокорисковых действий экономически и юридически неоправданны.

9OECD. OECD Public Governance Reviews: Uzbekistan. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/11/oecd-public-governance-reviews-uzbekistan_65bf7710/2f36d8ec-en.pdf.

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Третье направление — разделение функций технического администрирования, принятия управленческого решения и контроля. Лицо, способное менять критерии автоматизированного отбора, не должно единолично утверждать результат и одновременно проверять законность собственных действий. Для критических операций целесообразно предусмотреть двойное подтверждение, независимый журнал изменений и периодическую внешнюю проверку.

Четвёртое направление — установление правового режима алгоритмических риск-сигналов. Следует прямо разграничить аналитическое предупреждение и юридическое доказательство. Автоматизированное указание на аномалию не должно служить единственным основанием санкции, отказа в услуге или включения лица в негативный перечень. Необходимы проверка исходных данных, участие компетентного должностного лица, мотивировка и эффективное обжалование.

Пятое направление — разработка единой методики оценки антикоррупционной результативности цифровых проектов. Она должна фиксировать исходный уровень риска, планируемые изменения, измеримые показатели и независимую последующую оценку. В отчётности следует отдельно показывать цифровой охват, выявляемость нарушений, качество правовой реакции и последствия для прав граждан. Только такая дифференциация позволит отделить технологическую активность от реального публично-правового результата.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что цифровизация государственного управления представляет собой условие повышения эффективности противодействия коррупции, но не самостоятельную гарантию её предупреждения. Её потенциал раскрывается там, где технологические решения встроены в правовую конструкцию административной процедуры, ограничивают необоснованное усмотрение, сохраняют проверяемый след действий и обеспечивают ответственность за неправомерное вмешательство.

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Основное противоречие цифрового антикоррупционного управления состоит в одновременном сокращении традиционных каналов личного воздействия и возникновении новых точек концентрации контроля над данными, правилами и техническими полномочиями. Поэтому антикоррупционная политика должна распространяться не только на итоговые решения должностных лиц, но и на архитектуру цифровой системы, её настройки, источники данных и режимы доступа.

Предлагаемая система критериев — профилактика, выявление, правоприменение, институциональная устойчивость и защита прав — позволяет отказаться от упрощённого отождествления числа электронных услуг с уровнем антикоррупционной эффективности. Для национальной практики первоочередное значение имеют правовая прослеживаемость решений, интеграция законных источников данных о конфликте интересов, независимый аудит высокорисковых систем и обязательная человеческая проверка алгоритмических сигналов. Именно сочетание указанных условий способно превратить цифровую инфраструктуру из средства ускорения административных операций в действенный механизм законности и публичной подотчётности.

Список использованных источников

1. Закон Республики Узбекистан от 3 января 2017 г. № ЗРУ-419 «О противодействии коррупции». Национальная база данных законодательства: https://lex.uz/docs/3088008.
2. Закон Республики Узбекистан от 5 июня 2024 г. № ЗРУ-931 «О конфликте интересов». https://lex.uz/ru/docs/6952745.
3. OECD. Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026: Harnessing the Integrity Advantage. Paris: OECD Publishing, 2026. DOI: 10.1787/16708b78-en.
4. OECD. Integrity in Public Procurement // Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026. https://www.oecd.org/en/publications/anti-corruption-and-integrity-outlook-2026_16708b78-en/full-report/component-14.html.
5. OECD. OECD Public Governance Reviews: Uzbekistan. Paris: OECD Publishing, 2024.

Modern American Journal of Business, Economics, and Entrepreneurship
ISSN (E): 3067-7203
Volume 2, Issue 5, May, 2026
Website: usajournals.org
This work is Licensed under CC BY 4.0 a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/11/oecd-public-governance-reviews-uzbekistan_65bf7710/2f36d8ec-en.pdf.
6. OECD. Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026: Estonia. Country Note. OECD, 2026.